

О. Б. Бубенок

А. П. КОВАЛЕВСКИЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПРОШЛОГО ОГУЗОВ

В конце IX в. на территории Северного и Восточного Ирана, а также в западной части Центральной Азии образовалось значительное по размерам государство Саманидов. Северными провинциями этой империи являлись Хорезм и Мавараннахр, расположенные в бассейне Амударьи. Период наивысшего расцвета государства Саманидов относится к первой половине X в. Именно тогда укрепились северные рубежи этого государства, которое стало граничить с представителями кочевого мира Турана. В связи с этим особый интерес представляет этнический состав этих кочевых племен, уровень их экономического и социального развития, характер их взаимоотношений с государством Саманидов в конце IX – первой половине X в. Исследование этих вопросов имеет важное значение не только для изучения прошлого Центральной Азии, но и соседних регионов. После распада саманидского государства в X в. эти народы сыграли также значительную роль в истории Ирана и Украины. Необходимо отметить, что данные проблемы неоднократно рассматривались в исследованиях востоковедов XX в., но еще не была дана обобщающая характеристика этнополитической ситуации, сложившейся на северных границах Саманидского государства в период его становления и расцвета. Предложенная статья посвящена освещению отдельных вопросов данной темы. Значительные позиции в первой половине X в. в степях на север от Хорезма и на восток от Волги занимали огузы.

Неоценимые сведения о ситуации в Центральной Азии в конце IX – начале X в. дают сочинения мусульманских авторов X в., изучением которых занимались также востоковеды Украины. Об огузах досельджукского периода исследователи знали практически до 1939 г. в основном благодаря известным тогда сочинениям мусульманских авторов конца IX–X вв. (Ибн ал-Факих, Кудама ибн Джафар, Мас‘уди, ал-Истахри, Ибн Хаукаль, “Худуд ал-‘Алам” и др.) [Материалы по истории туркмен... 1939, 144–223]. Отметим, что мусульмане называли их “гузами”. Добавим также, что эти мусульманские авторы только сообщали, что на рубеже IX–X вв. “гузы” проживали в степях на север от Хорезма и на восток от Волги и являлись кочевниками.

Однако у упомянутых географов не было подробной информации об идеологии, социальном устройстве, быте, менталитете “гузов” первой половины X в. Эту лакуну в наших знаниях заполнил текст “Рисале” Ибн Фадлана, впервые переведенный и введенный в научный оборот А. П. Ковалевским. Напомним, что в этом сочинении речь идет о путешествии багдадского посольства в 921–922 гг. на Среднюю Волгу, в царство болгар, принявших незадолго до этого ислам. Секретарем этого посольства был Ибн Фадлан. Это сочинение стало известно востоковедам всего мира, прежде всего, благодаря работе, проделанной А. П. Ковалевским. За основу опубликованного исследования была взята рукопись Ибн Фадлана, найденная в г. Мешхед на территории Ирана [Ибн Фадлан 1939; Ковалевский 1956].

В первый раз А. П. Ковалевский ввел в научный оборот сведения об огузах-“гузах” в первом издании перевода сочинения Ибн Фадлана на русский язык в

1939 г., снабдив информацию о “гузах” десятками комментариев [Ибн Фадлан 1939, 60–65, 97–100]. Весьма примечательно, что этот фрагмент перевода сочинения Ибн Фадлана с комментариями самого А. П. Ковалевского был также опубликован в 1939 г. в первом томе издания “Материалы по истории туркмен и Туркмении” [Материалы по истории туркмен... 1939, 155–164]. В то же время второй том этого издания был напечатан уже в 1936 г. [Материалы по истории туркмен... 1936]. Создается впечатление, что издатели этого сборника письменных источников специально ждали, когда А. П. Ковалевский завершит работу над переводом сочинения Ибн Фадлана. Как видим, уже в 30-е гг. прошлого века работа А. П. Ковалевского имела огромное значение для изучения прошлого огузов. Но это был первый шаг.

Лишь в 1956 г. в окончательном варианте издания “Рисале” Ибн Фадлана А. П. Ковалевский не только внес новые исправления в текст перевода, но и сделал комментарии, в первую очередь о “гузах”, более объемными и многочисленными [Ковалевский 1956, 125–130, 180–182]. В результате научный мир по-новому взглянул на жизнь огузов последних десятилетий существования Хазарского каганата.

“Рисале” Ибн Фадлана имеет неоценимое значение для науки, ибо это, пожалуй, единственное подробное описание народов и племен Центральной Азии и Восточной Европы X в., данное человеком, который среди них побывал. Само изложение материала у Ибн Фадлана позволяет четко представить, какой народ за каким находился. Из рукописи известно, что багдадское посольство попало в 921 г. в Бухару, а оттуда направилось в Хорезм – северо-западную провинцию Саманидского государства. Ибн Фадлан сообщает, что от Хорезма они пятнадцать дней двигались на север и лишь после этого попали в страну гузов – народа тюркского происхождения, известного в других источниках под названиями: *огузы*, *узы*, *торки*. А. П. Ковалевский в комментариях не без оснований отметил, что “гузы” Ибн Фадлана – это огузы других авторов [Ковалевский 1956, 181, прим. 168]. Арабский автор сообщает, что гузы – это кочевники и “дома у них из шерсти; они то останавливаются [табором], то отъезжают” [Ковалевский 1956, 125]. Ибн Фадлан отметил, что у гузов в начале X в. уже существовало имущественное расслоение: “Я видел среди гузов таких, которые владели десятью тысячами лошадей и ста тысячами голов овец” [Ковалевский 1956, 130].

Арабский путешественник отметил, что в начале X в. у гузов уже существовали зачатки государственной власти. По словам Ибн Фадлана, “Царя гюрок гузов называют *йабгу*, и это титул повелителя. И каждый, кто царствует над этим племенем, этим титулом называется. А заместителя его называют *кюзеркин*. И точно так же каждый, кто замещает какого-либо их главаря, называется *кюзеркин*” [Ковалевский 1956, 128]. Ибн Фадлан сообщает, что также одним из самых влиятельных людей у гузов был начальник их войска, который имел большие стада лошадей и овец. В непосредственном подчинении военачальника гузов находились предводители, для обозначения которых Ибн Фадлан использовал как титулы тюркской номенклатуры, так и личные имена: *Тархан*, *Йынал* и *Баглыз*. При этом было отмечено, что “Тархан самый знатный из них, самый выдающийся из них” [Ковалевский 1956, 129].

Отметим, что некоторые из этих терминов социальной номенклатуры имели распространение среди древних тюрков и хазар. Так, у орхоно-енисейских тюрков, по данным А. Бернштама, *ябгу*, как и *шады*, назначались из каганского рода и являлись заместителями над определенными племенами и на случай войны, соответственно, командовали левым и правым крылом [Бернштам 1946, III]. По наблюдениям С. Г. Кляшторного, с самого начала существования Первого Тюркского каганата правителем западных территорий каганата стал брат Бумин-кагана – Истеми (Дизавул), который носил титул *ябгу-кагана*, в дальнейшем традиционный для западной ветви тюркской династии Ашина [Кляшторный, Султанов 2000, 86]. По мнению исследователя, *ябгу-каганы* западной ветви династии Ашина считались линией

каганского рода [Кляшторный, Султанов 2000, 87]. А. П. Новосельцев отмечал, что в начале VII в., т. е. во время вхождения Хазарии в состав Западнотюркского каганата, титул *ябгу*, как и *шад*, носил один из двух крупнейших сановников Хазарии и он являлся родственником кагана. Исследователь отметил, что подобная ситуация встречалась и у кочевников более позднего времени [Новосельцев 1990, 139]. Пример с огузским ябгу подтверждает это.

В связи с этим имеет смысл обратить внимание на происхождение также титула *тархан*. “Древнетюркский словарь” значение данного слова подает как “титул правителя” [Древнетюркский словарь 1969, 539]. А. Бернштам считал, что у орхон-енисейских тюрков словом *таркан* обозначали “сборщиков податей”. К тому же иногда к названию этой должности прибавлялась приставка *бег* [Бернштам 1946, 115]. Отметим, что данный термин социальной номенклатуры имел также распространение и среди хазар.

Так, П. Голден отметил случаи употребления указанного термина в титулатуре хазар различными авторами: Тархан (Балами), Тархан малик ал-Хазар (Ибн Хордадбех, Мукаддаси), Ас-Тархан (ат-Табари), Рас-Тархан (Йакуби), Раж-Тархан (Гевонд) и т. д. При этом он отметил, что точная этимология данного термина до конца не понятна [Golden 1980, 210–213]. А. П. Новосельцев считал, что из числа представителей благородных родов каганом или беком назначались воинские начальники – тарханы (от иранского термина в значении “судья”, “переводчик”). По его мнению, тарханы назначались каганом в местах, непосредственно ему подчиненных [Новосельцев 1990, 118]. Данные письменных источников свидетельствуют о том, что тарханы могли назначаться из числа не только представителей хазарского этноса. Так, достаточно вспомнить Ас-тархана, выходца из Хорезма, предводителя хазарских войск, который, согласно ат-Табари и Ибн ал-Асиру, принимал участие в походе в Закавказье в 764/765 г. [Tabari, Vol. VIII, 7; Ibn al-Asir 1978, 22]. Кроме того, следует напомнить, что, согласно данным Гевонда, титул Раж(=Рас)-Тархан носил хазарский полководец из поколения Хатирлитвер (Хазирельтебер) [Гевонд 1862, 92–93]. Получается, что не только приближенные к кагану представители тюркской знати, но и правители подчиненных хазарами народов могли носить титул *тархан*. По мнению А. П. Новосельцева и М. И. Артамонова, население собственно Хазарии делилось на знать (тарханов) и простой народ, где первые были освобождены от уплаты налогов [Артамонов 1962, 400–402; Новосельцев 1990, 118]. Т. М. Калинина обратила внимание, что иногда в письменных источниках термин *тархан* использовался также как часть личного имени [Калинина 2005, 47]. Следовательно, словом *таркан* обозначалась должность, к которой могла иметь отношение знать как каганатов древних тюрков, так и Хазарского каганата.

Сочинение Ибн Фадлана ценно также тем, что содержит описание похорон гуза. А это имеет особое значение для археологов, которые занимаются культурной атрибуцией кочевых племен раннего Средневековья. Ибн Фадлан сообщает, что умершего гуза хоронят с вещами в могильной яме, которую покрывают настилом. Во время похорон гуза, по словам Ибн Фадлана, могли убить от одной до нескольких сотен лошадей и шкуры убитых животных растянуть на деревянном настиле над умершим. Над всем этим сооружался курган из грунта [Ковалевский 1956, 129]. Российский археолог В. А. Иванов, в соответствии с данным описанием и результатами археологических раскопок, выделил отдельно огузские (гузские) захоронения в курганах начала X в.

Он даже отметил на левом берегу Северского Донца несколько подкурганых захоронений, соотносимых им с огузами, которые несколько нарушают общую картину и позволяют отметить появление огузов на Украинском Левобережье уже в первой половине X в. Так, 3 погребения “огузского типа” были отмечены им в

среднем течении Северского Донца близ сел Юрьевки, Новалинки и Щуркиного Поля. В верхнем течении В. А. Иванов выделил погребение возле с. Гаевки [Иванов 1995–1996, 90].

Кроме того, в Северном Причерноморье существует район, где встречаются подкурганые захоронения кочевников хазарского и послехазарского времени, которые почти полностью отвечают описанию погребения гуза, описанного Ибн Фадланом. Речь идет о бассейне среднего течения Северского Донца.

Здесь еще столетие тому назад на юге Харьковской губернии, на правом берегу Северского Донца, возле сел Торское и Марченки, Е. П. Трефиловым и В. А. Гордцовым были обнаружены в курганах, по крайней мере, три погребения кочевников, находящих аналогии в описании Ибн Фадлана. Похороненные здесь под курганной насыпью кочевники находились в ямах, перекрытых сверху деревянным настилом, сверху которого лежали кости коня, а в одном случае, еще кости телят, овец и коровы. Покойники были положены головой на запад и сопровождалась набором вещей, что могло указывать на их зажиточность. Наибольший интерес представляет наиболее богатое погребение (курган № 27, погребение 1), обнаруженное возле хут. Марченки. Оно было совершено в насыпи большого земляного кургана, высота которого около 1,8 м. На специальном настиле над могилой было положено 6 телят. Здесь же находились голова и ноги коня, расположенные в анатомическом порядке. Гроб с покойником, ориентированный головой на запад, находился в глубокой и широкой могиле. Слева от гроба стоял глиняный горшок. Погребенный был мужчиной-воином. Об этом могут свидетельствовать обнаруженные рядом с ним сабля и колчан со стрелами. Лошадиная сбруя, представленная удилами и стременами, находилась рядом с останками коня, т. е. на перекрытии. Кроме того, возле ног и головы покойника были поставлены вырезанные из дерева фигурки людей, которые изображали, очевидно, убитых им врагов, что фактически в деталях совпадает с информацией Ибн Фадлана. Что же касается двух других погребений, то они были более просты. Там над могилой на настиле находились только кости коня, а деревянные статуэтки и вовсе отсутствовали [Плетнева 1958, 161–162]. Пожалуй, нет сомнений в том, что эти захоронения можно соотнести с торками-огузами. В других же районах степей Евразии такого поразительного сходства с описанием Ибн Фадлана не наблюдалось.

В целом же, по наблюдениям В. А. Иванова, в первой половине X в. огузские захоронения на западе в основном были сосредоточены вдоль нижнего течения Волги и северо-восточного побережья Каспийского моря, на севере – в бассейне рек Большой и Малый Узень. Восточные и южные границы владений В. А. Ивановым не были достаточно четко определены. [Иванов 1995–1996, 86–87]. Причина этого, возможно, в изменчивой этнополитической ситуации в восточной части Туркестана и на границах с Саманидским государством.

Данные Ибн Фадлана о границах страны гузов дополняют сведения и других мусульманских авторов первой половины X в. Так, ал-Истахри сообщал, что страна гузов находится “на землях на запад от Мавараннахра и между хазарами и кимаками, страной карлуков и болгар и границами мусульманских стран от Джурджана и Исбиджаба” [Караев 1968; Материалы по истории туркмен... 1939, 166]. Ал-Мас‘уди о стране гузов сообщает: “И на нем [Хазарском море. – О. Б.] находится мало кочевых гузов из числа тюрок, в пустынях, расположенных там. А из больших известных рек, которые впадают в это море Хазарское – р. Черный Иртыш и Белый Иртыш... на них расположены зимники и летние кочевья кимаков и гузов из тюрок” [Пантусов 1909, 152; Материалы по истории туркмен... 1939, 166].

Подобные описания земли гузов содержится также в первом географическом трактате на языке фарси “Худуд ал-Алам”, написанном в конце X в., но вобравшем в себя сведения из сочинений мусульманских авторов более раннего периода.

О соседях страны гузов анонимный персоязычный автор сообщает: “На Восток от их страны находится пустыня гузов и города Трансоксианы; южнее от них – вдоль Каспийского моря пустыня, а западнее и севернее их – река Атил” [Minorisky 1937, 100].

Данные мусульманских географов X в. позволили С. П. Толстову сделать вывод: “Ко второй половине X ст. государство огузов достигает огромных размеров: на юго-востоке оно граничит с областями Тараза (ныне г. Джамбул на р. Талас) и Шаша (Ташкент); на юге она охватывает бассейн Куван-дарьи и Жаны-дарьи; на севере, видимо, включает бассейны Сарысу, Челкара и Иргиза, на северо-западе достигает предгорий Урала, где граничит с башкирами; на западе вплотную примыкает к поволжским владениям хазар. На юго-западе владения огузов охватывают, видимо, значительную часть Устюрта” [Толстов 1948, 249]. В данном случае необходимо отметить, что владения огузов (гузов) в первой половине X в. вплотную примыкали к северным границам саманидского государства, особенно его северо-западной провинции – Хорезма.

В сложившейся ситуации возникает вопрос: каковы были взаимоотношения огузов-кочевников с южными оседлыми соседями-мусульманами? Очень подробную информацию об этом оставил Ибн Фадлан: “...не может ни один мусульманин проехать через их страну без того, чтобы не сделать кого-либо из них себе другом, у которого он останавливается. Он привозит для него из страны ислама одежды, а для жены его покрывало, немного перца, проса, изюма, орехов. Когда же он прибудет к своему другу, то тот разобьет для него юрту и доставит ему овец сколько может” [Ковалевский 1956, 126–127]. По сведениям Ибн Фадлана, мусульманские купцы могли оставить у друзей-тюрок своих верблюдов и лошадей и на обратном пути забрать их [Ковалевский 1956, 126–127]. Однако отношения мусульман и гузов в первой половине X в. не всегда были такими уж дружественными. По данным Ибн Фадлана, если тюрок “приедет в Джурджанию, он спросит о своем госте и остановится у него, пока не отправится [обратно]. А в случае, если тюрок умрет у своего друга-мусульманина и [потом] проедет караван, в котором [находится] его друг, то они убьют его” [Ковалевский 1956, 127]. По наблюдениям С. П. Толстова, “после IX в., когда стабилизируется северный рубеж Саманидского г-ва, старые отношения получают новое развитие: степной аристократ должен являться в города не в качестве завоевателя, а в качестве мирного купца, что не могло не стимулировать развитие скотоводства, рассчитанного на обмен” [Толстов 1948, 247].

Тем не менее результаты археологических раскопок заставили С. П. Толстова прийти к выводу о напряженных отношениях Саманидов с их северными соседями-огузами в X в. Об этом может свидетельствовать то, что “вдоль всей окаймляющей долину нижней Аму-дарьи с запада могучей пятидесятиметровой (5–10 м) стены Чинки (обрыва) плато Устюрта расположена цепь хорезмийских укреплений, выстроенных в X в. и закрывающих все спуски с Устюрта в долину”. Эту систему укреплений дополняли сигнальные башни [Толстов 1948, 249].

В первой половине XI в., уже после падения государства Саманидов, тюрки-огузы, известные под именем сельджуков, переселились на территорию Хорасана и впоследствии покорили весь Иран. Другая часть огузов, известная в древнерусских летописях как “торки”, в это же время достигла степей современной Украины и несколько десятилетий кочевала там. На территории Украины известно несколько десятков погребений кочевников XI в. с обрядом захоронения, аналогичным описанию Ибн Фадлана. Их традиционно связывают с торками-гузами. [Плетнева 1981, 218].

Таким образом, введение в научный оборот новой информации об огузах значительно пошатнуло стереотипы исследователей, согласно которым в первой половине X в. огузы якобы еще оставались диким народом. Благодаря работе А. П. Ковалевского, историка, археологи и этнографы получили новый значительный материал

для изучения прошлого огузов. На сегодня даже невозможно представить исследование, посвященное ранним огузам, где бы не было ссылок на исследования А. П. Ковалевского.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М. И. История хазар.* Ленинград, 1962.
- Бернштам А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI–VIII веков. Восточно-тюркский каганат и кыргызы.* Москва, 1946.
- Волин С. К истории древнего Хорезма // Вестник древней истории, 1941, № 1.*
- Гевонд В. История халифов.* Санкт-Петербург, 1862.
- Древнетюркский словарь.* Ленинград, 1969.
- Ибн Фадлан. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу (перевод А. П. Ковалевского) / Под ред. акад. И. Ю. Крачковского.* Москва – Ленинград, 1939.
- Иванов В. Етнокультурна карта Евразийського степу за часів Ахмеда Ібн Фадлана // Східний світ, 1995 (№ 2) – 1996 (№ 1).*
- Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата.* Москва, 1988.
- Калинина Т. М. Знать хазар по данным арабо-персидских источников // Хазарский альманах. Т. 4. Киев – Харьков, 2005.*
- Караев О. Арабские и персидские источники IX–XII веков о киргизах и Киргизии.* Фрунзе, 1968.
- Кляшторный С. Г., Султанов Г. И. Государства и народы евразийских степей в древности и средневековье.* Санкт-Петербург, 2000.
- Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлан о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.* Харьков, 1956.
- Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах.* Санкт-Петербург, 1878.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2.* Москва – Ленинград, 1936.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1.* Москва – Ленинград, 1939.
- Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI вв.* Москва, 1963.
- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа.* Москва, 1990.
- Пантусов Н. Н. Сведения арабских географов о Средней Азии // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XXV. Вып. 5. Казань, 1909.*
- Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // Журнал министерства народного просвещения. Ч. ССХХVI. Санкт-Петербург, 1883.*
- Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. № 62. Москва, 1958.*
- Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья (Археология СССР). Москва, 1981.*
- Толстов С. П. По следам древнехорезмийских цивилизаций.* Москва – Ленинград, 1948.
- Golden P. B. Khazar studies. Vol. I. Budapest, 1980.*
- Ibn al-Asir. Al-Kamil fi Tarikh.* Beirut, 1978.
- Minorsky V. Hudud al-'Alam. The regions of the World. London – Oxford, 1937.*
- Tabari. Tarickh ar-rusul wa-l-muluk. Edition Critique par Mohammad Abul Fadl Ibrahim. Vol. VIII.*